

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

В.З.Демьянков*

Ю.С.Степанов. Язык и метод. К современной философии языка. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 784 с.

В эпоху междисциплинарности конца XX в. можно выделить два класса лингвистов-теоретиков. Одни экспортируют достижения лингвистической мысли за пределы языкознания, используя лингвистический анализ, скажем, в литературоведческом или философском теоретизировании, что иногда (не без ревности со стороны представителей этих дисциплин) воспринимается как дилетантское вмешательство. А другие лингвисты импортируют свежие идеи и теоретические конструкции из математики, биологии, семиотики искусства, теоретического литературоведения и т.п. в лингвистическую же теорию как эвристическое подспорье и не рискуют впасть в дилетантизм в этой своей родной области.

Автор рецензируемой книги, будучи в теоретическом языкознании профессионалом энциклопедического уровня, относится ко второй группе. Предлагаемые им аналогии из указанных дисциплин позволяют посмотреть на язык под новым углом зрения.

Основной текст книги состоит из введения и трех частей.

Как отмечается во введении, данная книга «посвящена в первую очередь темам и методам, [...] не являющимся принадлежностью одной какой-либо национальной школы» (с. 12), хотя отечественная традиция для автора является основной и характеризуется «устремлением к тонкому «концептуальному анализу», его расширениями в виде «логического анализа языка», лингвофилософского анализа и возрожденным интересом к основаниям последнего, прежде всего к наследиям патристики Восточной церкви, «великой тройки» (Флоренский — Лосев — Булгаков), русского символизма и модернизма» (с. 11). Язык рассматривается здесь в семиотическом ключе: «с одной стороны, язык включен в линию эволюции знаковых систем и сам, в конечном счете, является лишь ступенью в этой эволюции, с другой — включает в себя все знаковые системы в ментальном, информационном смысле» (с. 15).

Часть I «Означаемое и означающее» представляет обновленную версию книги «Семиотика», вышедшей в 1971 г. В 1970-е гг. в этой книге видели что-то вроде популярного введения и часто проходили мимо огромного количества новаторских находок автора. Таким было тогда вообще отношение к теоретическим гуманитарным дисциплинам: считалось, что все главное, магистральное уже заложено в господствовавшей тогда философской доктрине, а гуманитарии имеют право только на частные замечания или комментарии по поводу своего предмета, продемонстрировав достоинства марксистской методологии. Сегодня же, когда широкому читателю стали доступны исследования той эпохи, мы можем увидеть много новаторского, предложенного автором, в этом более широком контексте.

* Демьянков Валерий Закиевич — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, член Экспертного совета РГНФ по филологии и искусствоведению.

** Об авторе см. в кн.: Философы России XIX—XX столетий. — М., 1995; а также в кн.: П.В.Алексеев. Философы России XIX—XX столетий. (Словарь). — М.: Академия-Центр, 1999.

*** Проект 97-04-16041д.

Например, Ю.С.Степанов проводит разграничение между семиотикой и кибернетикой по линии *статика (семиотика) — динамика (кибернетика)*: кибернетика изучает динамический и количественный аспект связи и управления в живом организме, природе и обществе, а семиотика — статический и качественный: «Кибернетика изучает процессы, семиотика — главным образом системы, в которых и на основе которых реализуются процессы. С этой точки зрения отношение между семиотикой и кибернетикой подобно отношению между азбукой (алфавитом) и письмом и чтением на основе этого алфавита» (с. 19). Ведь внешние формы жизни «определенным образом упорядочены, они образуют системы [...] и до некоторой степени аналогичны системе языка» (с. 23). Для этих форм время — столь же важная часть поведения, что и пространство (с. 24). Причем: «устанавливая общее в различных знаковых системах, семиотика заставляет видеть всеобщую связь между принципами организации а) языка; б) материальной культуры [...]; в) духовной культуры» (с. 26). На мой взгляд, это положение созвучно интерпретационному подходу: объект интерпретации в каждый данный момент берется в статике, в нем ищется система зависимостей, динамичны же процедуры интерпретации.

Далее автор реализует следующий план: «сначала рассказать о системе языка так, как ее представляет современная лингвистика, а затем показать аналогии между системой языка и другими знаковыми системами» (с. 53). Одним из самых важных (среди многих выдвинутых и обоснованных в этой связи) является следующий принцип: «новый предмет (изобретение, вещь, вещество, социальное явление) занимает в общественном быту и в общественном сознании место какого-то прежнего предмета, принимая его функцию. И, следовательно, форма — в широком понимании формы — здесь выступает знаком занятого места, функции или назначения, форма — значима, форма санкционирует предмет. [...] Семиотический процесс замещения есть одновременно процесс преемственности и эволюции» (с. 84). Причем оказывается, что «функциональная семантика осуществляется более последовательно (более непрерывно) в материальных знаковых системах (изображениях, орнаментах, живописи, оформлении утвари) и менее последовательно в языке. В материальных знаковых системах она проявляется отчетливее всего в том, что новый предмет, принимающий общественные хозяйственные функции прежнего, принимает на некоторое время и его форму: первые автомобили были похожи на кареты; первые электрические лампы — на керосиновые; электронным музыкальным инструментам придают форму пианино и т.д. и т.п.» (с. 87).

Особое место занимает формулировка основных законов семиотики. Выделяются две группы таких законов: а) объективные (в области синтактики), б) зависящие от позиции наблюдателя (поскольку вообще «свойство быть знаковой системой в некоторой степени зависит от позиции наблюдателя», с. 127): прагматические и семантические. Проявление одного из синтактических законов, «закона иерархии», автор видит в том, что «язык в целом является планом выражения для семиотической системы, семиотики более высокого яруса — стилистики, а стилистика служит планом выражения для семиотики еще более высокого яруса — внешней стилистики, или семиотики» (с. 106). В общем случае: «всякий класс семиотических элементов (знаков) в свою очередь составляет элемент высшего класса» (с. 108), а поэтому «правила построения описания для одного яруса применимы и ко всем другим ярусам». При этом значение определяется как «частичная предсказуемость явления» (с. 128). Интерес

представляет следующая мысль: «Существует зависимость между свойством языка "быть не языком" (физическим воздействием) и устройством знаков этого языка» (с. 134). По мнению автора, *быть языком* является градуированным предикатом, то есть, в различной степени относится к разным объектам. Наиболее близким к прототипу языка является обычный звуковой человеческий язык, он «биологически нерелевантен», а знаки его условны. Одним из важнейших семантических законов, по Ю.С.Степанову (с. 150), является семантическая связь между микрокосмом («органами тела человека и его внутренним, духовным миром») и макрокосмом («Землей, небом, светилами»).

Часть II «Семантика — синтактика — прагматика» воспроизводит, с изменениями, книгу «В трехмерном пространстве языка», вышедшую в 1985 г. и с энтузиазмом принятую читательской публикой. В этой части рассматривается история логико-философских концепций языка, называемых им условно "философиями языка". Из богатейшего достояния фактов и идей, связанных с этими весьма различными концепциями, выбираются те, которые позволяют составить цельное, синтетическое представление о языке и использовать это знание в актуальных проблемах сегодняшнего дня. Эта книга ознаменовала начало «метaparadигмы», синтезирующей в себе все три из перечисленных направлений и взятых теперь уже в качестве объекта.

История концепций рассматривается не как аморфный "единый поток", а как смена определенных *стилей мышления*, или *парадигм*. Основная идея автора заключается в том, что смена *парадигм* во взглядах на язык определенным образом мотивирована самим объективным семиотическим устройством рассматриваемого объекта — языка. В семиотике язык описывается в трех измерениях (отсюда название этой части) — семантики, синтактики и прагматики. (Термин *измерение* здесь является синонимом терминов *параметр*, *координата*.)

Исторически первой возникает семантическая парадигма, или "философия имени", ей посвящена первая глава. В этой парадигме мир представляется как совокупность "вещей", размещенных в "пустом пространстве"; а вещь может получить *имя*, связанное, в свою очередь, с сущностью вещи (временной, неслучайной и безусловной). Язык рассматривается как совокупность имен вещей, открывающих путь к познанию сущностей. Этапными для этой парадигмы являются теории Аристотеля, Порфирия, Петра Испанского, Оккама, Николая Кузанского; отдельное место занимает концепция А.Ф.Лосева в 1920-е гг. Три основные черты выделяют данную философию языка как парадигму: а) понятие имени служит исходной точкой; б) доминирует понятие сущности, в) понятия имени и сущности сопровождаются понятием иерархии. Суть именованная отражает понимание имени как функции. Вся философия имени проникнута духом символа; искусство, в наибольшей степени отвечающее философии имени, — французский и русский символизм. Его поэтику можно — вслед за автором — назвать *поэтикой имени*, или *семантической поэтикой*.

Семантической парадигме отвечает, по замыслу Ю.С.Степанова, в модельном представлении, особая модель языка — "Язык-1". (Все модели рассматриваются в седьмой, заключительной главе данной части, но здесь мы сопоставляем их по отдельности, чтобы отделить основную идею автора.) Под Языком-1 понимается естественный язык, все основные показатели которого характеризуются числом 1: на нем могут производиться

высказывания только степени 1, только уровня 1 (эти понятия ниже разъясняются), имена этого языка группируются только в один класс, как и предикаты; это «очень бедный естественный язык», обладающий только семантикой, в то время как Язык-2 обладает и семантикой, и синтактикой, характеризуясь числом 2, а Язык-3 обладает семантикой, синтактикой и прагматикой («дектикой») и характеризуется числом 3 и более. Степень языка указывает на максимальное количество термов (актантов), допускаемых в каждом отдельном высказывании на этом языке, а уровень (или порядок) означает максимально возможную степень производности высказывания данного языка (Язык-1 не допускает сведения ни к каким другим более низким уровням; Язык-2 может быть сведен к перифразам высказываний на Языке-1, а Язык-3 — к высказываниям на Языке-2 и Языке-1). В Языке-1 все предложения являются равно и аналитическими, и синтетическими, в нем нет слов, соответствующих логическим операторам, усложняющим элементарную логическую формулу высказывания — логических слов типа *или*, *некоторые*, *все*, *нет* и *отрицания*. Говорящий на этом языке присутствует только как «говорящий о чем-то» и не может высказываться о себе самом (даже его имени *Я* нет среди объектов): координата «я — здесь — сейчас!» задана только фактом говорения на этом языке, но не выражена, нет средств сказать о ней на Языке-1, и поэтому в некотором смысле она отсутствует. Здесь есть высказывания о прошлом, но говорящий никогда не знает, что это — прошлое. Искусство слова на этом языке представляет собой нечто вроде эпоса, повествующего только о том, что и без того известно на практике и о чем говорится в обыденной речи носителя этого языка. Язык-1 реально соответствует одному фрагменту реконструируемого протоиндоевропейского языка.

Исторически следующая, вторая, основная парадигма — синтаксическая, или «философия предиката» (четвертая глава; о промежуточных главах будет сказано ниже). В этой новой картине языка, создававшейся в течение двадцати — тридцати лет на рубеже XIX и XX вв., отражены новые физические представления о мире (напр., «частная теория относительности» А.Эйнштейна 1905 г.); пространство и время объединяются в единую форму существования материи — пространство-время. В новой картине мира, «в самом существе понятия предиката как ядра пропозиции о факте, кроются те же координаты, а значит, и зависимость от системы отсчета. Но координата точки отсчета, сам говорящий, в этот период не осознается как отдельная, она присутствует в скрытом виде, как усредненная координата «всякого говорящего», носителя языка вообще» (с. 288). Первый период этой парадигмы связан с семантическим изучением изолированных слов, второй характеризуется учетом всеобщей связи, «системности», в противопоставлении «атомизму». В общем случае предикат — это пропозициональная (или «высказывательная») функция, этим объясняется явление «семантического согласования» между предикатом и субъектом предложения. Выделяются базисные предикаты, действующие в пределах предложения, и «суперпредикаты» — в пределах сложного, т.е. составленного из простых. Первые превращают имена в предложения, вторые — превращают простые предложения в сложные. Поскольку предикаты связаны со строением предложения в целом, а не с какой-либо его частью, семантический анализ предикатов, как подчеркивает автор, требует неконтактной («некомпонентной») теории значения, но в данную эпоху (работы Б.Рассела, А.Айера и др.) развивалась лишь контрастная теория значения, связанная с

запретом на анализ категориальных терминов (такой анализ считался "метафизическим" и относился к таким понятиям, как "материя", "сознание", "сущность" и т.п.).

Элементы философии предикатов имеются в учении античных стоиков; центральное место занимает эта философия в концепциях Б. Рассела 1920—40 гг., а именно, в "теории дескрипций", концепции пропозициональных установок, "иерархии языков" и "теории типов".

В модельном представлении синтактической парадигме отвечает Язык-2, с семантикой и синтактикой. В этом языке различие субъекта и объекта является семантическим параметром. Здесь разрешается — в отличие от Языка-1 — нарушить первоначальную сочетаемость субъектов одного класса с предикатами, определяющими другой класс субъектов. Поэтому имеются выражения, не определяющие никакого реального объекта, и возникает понятие интенционального, или возможного, мира, отличного от реального мира экстенционалов и создаваемого средствами языка. Поэзия, основанная на этом языке, использует новую сочетаемость субъектов с предикатами и даже может снимать ограничения на сочетаемость, а ее содержанием является "интенциональный мир" смыслов, построенных по законам логики, но не обязательно соответствующих реальным объектам.

Наконец, исторически последней, в наши дни, возникает прагматическая ("дектическая") парадигма, или "философия эгоцентрических слов" (шестая глава). Эта парадигма отличается от предыдущих в следующих отношениях: 1) весь язык соотносится с субъектом, его использующим, с "Я"; 2) все основные понятия, используемые для описания языка, релятивизируются: имена, предикаты, предложения — все теперь рассматривается как функции разного рода. В этой парадигме синтез понятия субъекта произошел на границе между художественной литературой и лингвистическим анализом высказывания. Одновременно "Я" говорящего расслаивается на "Я" как подлежащее предложения, "Я" как субъект речи и "Я" как внутреннее "Эго", контролирующее самого субъекта. И параллельно этому расслаивается сама прагматика. Истоки же этой идеи, как показывает автор, — в искусстве. Итак, данная парадигма концентрирует свое внимание на отношении языка к говорящему, заключающемся в присвоении себе языка в момент — и на момент — речи.

При этом оказывается, что между реальным миром говорящего "Я" и миром лишь мыслимым, "интенциональным", нет непреодолимой границы, ибо между обоими этими мирами лежит еще один мир, удаленный от говорящего и определяемый координатами "он — там — тогда". Эгоцентрические слова (*я — здесь — сейчас*) играют в анализе языка в рамках данной парадигмы решающую роль. Собственное имя индивида, в частности, является прямым обозначением этого индивида и косвенным обозначением другого индивида — "Я", который обозначает первого. Поэтому даже собственные имена должны быть соотнесены с эгоцентрическими и представляют собой функцию количества индивидов, из которых нужно выделить данного.

В модельном представлении прагматической парадигме отвечает Язык-3 — с семантикой, синтактикой и прагматикой ("дектикой"). В этом языке имеются все необходимые условия для появления пропозициональных установок, и художник имеет все средства отличить свой мир от мира другого человека. Особенностью речи на этом языке является возможность перифраз, например, пародий. На этом языке можно говорить от лица любого объекта (что невозможно в случае Языка-1 и Языка-2).

Кроме трех основных парадигм и их модельных соответствий, в данной части рассматривается некоторое количество "межпарадигматических" периодов (вторая, третья и пятая главы) — "философии языка" в XVII в., феноменология XX в. и некоторые другие. Почти все логические картины языка сопоставляются автором с соответствующими явлениями в искусстве, прежде всего, словесном; такое сопоставление настолько убедительно и интересно, что становится несомненным не просто наличие связи между различными сферами человеческого интеллекта в рамках каждой эпохи его развития (парадигм), но и единообразии внутренней организации (изоморфизм) таких, казалось бы, разных областей, как теории языка, философские концепции языка, теории литературы (поэтики) и художественное творчество. Большим достоинством этого исследования является и то, что к такому выводу автор подводит читателя, не навязывая своего взгляда, а предлагая огромный фактический материал — делая это очень умело и глубоко, так что читатель порой испытывает настоящее волнение от соприкосновения с глобальными проблемами культуры.

Часть III «Система и текст» содержит ранее не публиковавшееся эссе «Новый реализм», датированное 1997 г. В центре внимания этой части находится то, что автор называет "ментальным пространством философствования" (с. 477).

В первой главе «Метод» автор иллюстрирует языковым материалом следующие свои гипотезы: 1) «для каждого фундаментального (базового) логико-философского положения, к какой бы системе оно ни принадлежало (Аристотеля, Декарта, Рассела и т.д.), может быть указан его прототип в естественном языке (том или ином)» (с. 481); 2) базовые положения одних теорий соотносены трансформациями (типа тех, которые исследовались для естественных языков на первых этапах развития генеративной грамматики) с базовыми положениями других теорий. Примеры автора связаны с понятием времени в речевой цепи (особенно в поэтике), с "дистрибутивной нормальной формой" Я.Хинтикки, с отношениями тождества в связи с сопоставлением историко-филологического и логического анализов языка (особый интерес представляет анализ именованний Бога в различных религиях), с концептом "причина" в рамках логического и сублогического (т.е. семиотического) анализов языка, с проблемой агентивности и с непрямой передачей чужой речи.

Во второй главе «Система» показывается, что в концепции Аристотеля "текст" (произведение, сообщающее нечто новое, до того неизвестное) считается производным от "системы" (категоризации, или парадигматики, затрагивающей сущностное, необходимое) (с. 543). Демонстрируются трансформации, связывающие положения Аристотеля с иными философскими системами, относимыми к классу "философский реализм". Решение парадокса, заключенного в том, что новый дискурс порождается из системы, автор только пунктирно намечает в конце этой главы: через модальные силлогизмы (также затрагиваемые Аристотелем) и практические силлогизмы Г.Х. фон Вригта. Однако как реально выглядит такой механизм, возможно, мы узнаем из следующей работы автора.

В третьей главе «Текст» предлагается вслед за номиналистами пройти путь от текста, от его членения (слогового, субъектно-предикатного и т.д.) к «тому, что извлекается из текста» (с. 580). Демонстрируется, среди прочего, плодотворность той идеи номиналистов, что несколько определенных для одного и того же семантического объекта могут мирно сосуществовать. Особенно ясно это видно в случае словарных дефиниций. Набор

признаков, приписываемых словарной дефиницией определяемому объекту, используется в качестве основания типологии семантических описаний.

В четвертой главе «Между системой и текстом — дискурс» за дискурсом видится прежде всего особый ментальный мир (позже дискурс определяется как «язык альтернативного мира», с. 739). Под фактом в этом мире понимается «результат представления некоторого действительного «положения дел» в системе данного языка. [...] Нет фактов вне мира, но нет фактов вне языка, описывающего данный мир, — вне дискурса» (с. 688). В пятой главе дается очерк «нового реализма» как философии языка (в России), лейтмотив которой составляют темы: «пространство», «ментальный мир», «дискурс» и «язык». Прагматика может быть определена в рамках этой концепции как дисциплина, «предметом которой является связный и достаточно длинный текст в его динамике — *дискурс*, соотношенный с главным субъектом, с «Эго» всего текста, с творящим текст человеком. Человек — автор событий. По крайней мере, событий, заключающихся в говорении» (с. 708). Поскольку же с разворачиванием дискурса меняется и «Эго», можно продолжить эту мысль автора следующим образом: прагматика видит причины перипетий дискурса в изменениях субъекта под действием дискурса и внешних обстоятельств. Именно отсюда вытекает следующее — кажущееся на первый взгляд парадоксальным — положение автора: «носитель языка в принципе не может знать значений слов своего языка» (с. 708). Эту формулировку следует, на мой взгляд, просто расширить, включив выражение: «на протяжении сколь угодно малой окрестности данного момента времени». Изменение субъекта включает, среди прочего, и модификацию актуальных знаний семантики языка.

Глава шестая представляет краткое заключение к этой части. В дискурсе мы «проходим каждый день сквозь толпу — а на самом деле, сквозь различные толпы, — во множественном числе; мы соприкасаемся локтями с десятками людей, но только некоторые из них принадлежат к нашему миру...» (с. 740). Рассматриваются четыре таких мира с их моральными предписаниями: библейский мир в противопоставлении миру современной обыденной жизни (отличие состоит в том, что в обыденном современном мире скрывается источник предписания и повеления: в обыденном мире «фундаментальные этические нормы, от которых прямо зависит жизнь общества, обычно нигде в доступном виде прямо не формулируются», с. 748), философский мир Канта (с атмосферой полной ясности) и мир Лейбница (в котором отсутствуют подлинно синтетические суждения, а моральные постулаты являются выражением необходимых истин).

Опубликование этой работы знаменует новый шаг нашей науки в исследовании человеческого языка как одного из проявлений человеческой ментальности.

Чтение этой замечательной книги не только полезно для специалистов в самых разных областях, но и увлекательно: при всей своей энциклопедичности, она написана очень живо и, можно сказать, «симфонично». По духу и по стилю эта книга соответствует многосложности нашей современной жизни.